

Светлана Алексиевич: «Книгу о любви мне тяжелее писать, чем все книги о войне»

ПИСАТЕЛЬ СЧИТАЕТ, ЧТО МЫ ОКАЗАЛИСЬ В ЛОВУШКЕ,
РАССТАВЛЕННОЙ НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ БОРЬБЫ

ПЕРСОНА

Ольга ТИМОФЕЕВА

Светлана Алексиевич — писатель, с именем которого после смерти Василия Быкова ассоциируется белорусская литература, притом что в самой Белоруссии ее книги лет десять не издаются. Название ее книг уже стали метафорами: «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва», «Зачарованные смертью». Она пишет хронику про маленького человека и великую утопию, пытается проследить, что происходит с человеком во время больших потрясений. О том, насколько человек связан со своим временем, как он себя чувствует в его смутные времена, шел разговор в недавний приезд писателя в Москву из Швеции, где она сейчас живет.

— Последнее время вы стремительно перемещаетесь по миру — Франция, Италия, Швеция, сейчас Москва. Что вы ищете?

— Я занимаюсь поиском историй, которые в экстремальной ситуации просвечивают человека и время. Время изменилось, и мы уже другие люди. Учимся жить без великих событий, без великих идей, потихоньку меняем кожу, даже те, из прошлого времени. Поэтому я взялась за дополнение книг «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики». В каждую главу добавляю хор из разговоров на русской кухне 1985–1995 и 1995–2005 годов. Чтобы схватить это время, езжу по России. Потому что одна Россия — это Москва и Петербург, и совершенно другая — это Тверь, куда я доехала за три часа из Москвы.

— И куда вы приехали?

— На 20 лет назад. Психология там в основном абсолютно советская. Что люди постоянно подчеркивают. Это и есть накопление некой агрессивности. В какую форму она уложится, кто эту энергию подберет, пока неизвестно.

— Разговоры о том, что в провинции жизнь спокойнее, пустые разговоры?

— Это заблуждение. Там накапливаются раздражение и недовольство Москвой, большими городами.

— Раздражают деньги?

— Раздражает ощущение несправедливого дележа. Мы же не ходили в 90-е годы на демонстрацию за то, чтобы всю нефть отдали Абрамовичу? Раздражение на несправедливость — главное настроение.

— Почему оно только сейчас проявилось?

— Долгим было время наивности, когда верилось — не будет комму-

нистов и будет хорошая жизнь. Кажется, я у Александра Кабакова прочла верное замечание: мы все время боролись с чудовищем и победили его. Обернулись, а жизнь стала еще страшнее — надо жить с крысами. Из человеческой природы, раньше загнанной в подполье, такое поползло, что культура оказалась не готовой с этим справиться, материальные, биологические искушения оказались сильнее ее. Ведь наша культура — это культура борьбы, разрушения, военного освоения мира. Культуры жизни как таковой у нас нет и не было. А поднимаясь из глубин древняя культура выживания не та, на которой можно построить современную жизнь. Она требует осмысления, а у нас даже интеллигенция самоустранилась от участия в серьезном разговоре. В Париже у меня вышла «Чернобыльская молитва» тиражом более 150 тысяч. Мои дебаты с известным философом Поль Велерье собирали залы в 700 человек. А у нас, что, нет важных вопросов? Сегодня люди в одиночестве проделывают гигантскую работу, отвечая себе — кто он? откуда? почему у нас ничего не получается?

— Вы уверены, что люди пытаются найти ответы на собственные вопросы, а не ищут образцы для подражания?

— Часто человек, оставленный один на один со сложными вопросами, выбирает более легкий путь — копирование чужой жизни. Но мы копируем чужую жизнь, совершенно не представляя ни трагизма, ни сложности западной жизни. Пожив в Европе, я вижу, насколько нам ближе европейская, а еще ближе социал-демократическая шведская модель. Мы же взяли более жесткую американскую, рассчитанную на другую историю, другой менталитет.

— Чем вы объясняете этот выбор?

— Бескультурностью власти.

— Первый призыв во власть был как раз культурнее остальных.

— «Региональная группа» не была же как таковой у власти.

— Но определяла политику.

— Чтобы обустроить Россию, надо было 10 тысяч думающих людей. А их была группа, и эту группу выбирал демократический царь с царственной психологией. Кто что из приближенных шепнул на ушко — того и послушал. Случайные слова, случайные люди.

— Вы считаете, что у них не было плана действий?

— В этом слабость нашей культуры — мы люди разговора. Это связано с нашим необозримым пространством. Длинные дороги — длинные разговоры. Открыть душу, облегчить страдания, помечтать. Не о строительстве же дома говорить долгими ночами в дороге? Из кибиток переместились

на кухни. Вышли из кухни в конце 80-х, прокричали свои заклинания, а дальше что? Дальше же надо иметь план, как строить государство. Я задала вопрос одному высокопоставленному чиновнику в расцвет истории с Ходорковским — откуда он взялся? «У нас была программа делать капиталистов». — «Но если вы их делали, то почему так безграмотно сделали?» — «Мы закрывали 500 скважин каждый год, нечем было платить. Оставшиеся дали этим ребятам, и все закрутилось. Но мы не продумали, что они деньги могут за границу отдать или себе забрать». — «Как это не продумали? Вы что, не читали, что человек так устроен?» Не читали. Одна из главных причин наших неудач — малокультурность власти. Более того, в ней узаконено высокомерие к культуре, к реальности, к народу. Наша власть никогда не любила человека.

— Но именно потому, что это российская власть, она понадеялась на интеллигенцию. А как говорил Герцен: «Интеллигенты не врачи, это боль». Именно таких людей, которые не знают, как и что делать, призвали править страной. Это, скорее, менеджерская ошибка власти, чем вина интеллигенции. Вот когда она перестает чувствовать боль, тогда с нее можно спрашивать. Что у интеллигенции сегодня болит?

— Эти слова Герцена мне никогда не нравились. Он как бы оправдывал то, что интеллигенция всегда стояла чуть-чуть в стороне, чуть-чуть над любым делом. В Европе интеллигенция — это тоже прослойка общества, но она не выделяет себя. Все заняты возделыванием жизни, у них нет нашего высокомерия по отношению к народу. Почему моя профессия выше профессии, например, детского хирурга-онколога? Что я, больше за нее плачу, больше страдаю? Это все неправда. Хотя я, может, и имела право так сказать, я же была на войне в Афганистане, меня судили за мои книги, я в вечном конфликте с властью. Но у меня все равно нет оснований для высокомерного места в жизни, того, которое почему-то узаконено в сознании нашей интеллигенции. А когда пришлось платить поступком вместо слова, то оказалось — где мы? Нас нет. Это катастрофа, за которую страна расплачивается. И единственное, что можно сделать, это постараться честным людям хотя бы сформулировать трагедию.

— Когда власть решила сформулировать национальную идею, она по привычке обратилась к интеллигенции. Понятно, что из этого ничего не вышло, но почему интеллигенция даже не воспользовалась поводом для серьезного разговора о судьбах страны?

МАРГАРИТА КАБАКОВА

Светлана Алексиевич имеет свою версию мира

— Мы пропустили момент, когда интеллигенция, постаравшись дать ответы на вызовы времени, могла сохранить свое место. Это как красивая актриса, которая все время помнит, что она красива, и ждет необыкновенной роли. Но время идет, и уже пришли другие люди, другие ценности. У старой актрисы еще есть пространство для маневра, ей хочется нравиться новым людям. И она начинает встраиваться в их систему ценностей. Что стала делать интеллигенция после своего поражения? Она стала встраиваться. Помню, как первый раз почувствовала эти перемены. Это было в Белоруссии. Приезжаю в какой-то клуб, где много людей, появление которых на трибуне, в телевизоре лет 7–8 назад ждали с нетерпением, и много спортсменских молодых людей новой формации. Выступает известный писатель, зал гудит как ни в чем не бывало. Раньше бы ведущий одернул наглый зал, а сейчас ему заплатили, и он молчал. На моих глазах интонация писателя менялась. Когда-то кумир зала, он был еще не обслугой, но уже второстепенным действующим лицом.

— Это девальвация слова или девальвация личности писателя как выразителя этого слова? Ведь слово прошло через все скомпрометировавшие себя идеологии XX века. Может, поэтому оно потеряло свою власть?

— Сейчас часто цитируют Розанова, сказавшего: «Русь слиняла за три дня». Хребет доломал Сталин. Нам объяснили, что от нас ничего не зависит. В лучшем случае

можно только говорить, и мы изошли словами. Но не намерения, а действия творят реальность, а мы все время питались иллюзиями, повторяли заученные заклинания. В эмоциональных банальностях уже не было электричества. В сознание людей вкатилась новая, варварская, авантюрная, искусительная жизнь. Ты можешь сколотить капитал, отхватить кусок и обеспечить своих детей, а мы этим людям с горящими глазами читали Ахматову, Мандельштама. А тогда важно было читать больше экономистов, чтобы понять, как устроен грядущий мир. Мы же пользовались допотопными конструкциями. Я как-то зашла на стеклянный завод, а там штампуют граненые стаканы и бутылки, с которыми под танки бросались 60 лет назад. Интеллектуальные заготовки у нас были такого же образца. И молодежь мы не могли увлечь ими.

— Чем можно увлечь новое поколение?

— Современный человек стал изощреннее, информированнее и камернее, уже никого не поднимешь на борьбу за большую идею. С таким человеком сложнее говорить. Раньше мне было легко найти 10 историй для своих книг, поскольку жизнь делилась на добро и зло, на социализм с человеческим лицом и без. А сейчас смыслы умножились, жизнь рассыпалась, общество раздробилось. И схватить 10 историй, через которые бы проскочило время, стало сложнее. Это о чем говорит? О том, что все слова из старого мира не действуют. Надо искать новые. Представьте,